
Автор представлен членом Художественного совета **Дмитрием Ревским**

Коридорное

Отче наш иже еси иже еси
спасибо за хлеб за то что лампа висит
давно бы сдался бы плюнул и лёг в кровать
но лампа моргает и мне говорит моргать
там в коридоре ветер дожди и снег
там в коридорах можно идти во сне
можно зонтом укрыться упасть в сугроб
там на ветру любой человек – микроб
в конце коридора свет мироздания весь
но лампа моргает здесь и я тоже здесь
и я смотрю в коридор идущему вслед
лампа глядит в стакан на стакане хлеб

Чапаев

Чапаев стучит костяшками
Потом пинком открывает дверь
Выглядит так как будто ходил за тридевять с лишним земель
Охранники клуба катаются воют держатся причинных мест
С Чапаевым связываться не стоит Чапаев глядит окрест
В клубе музыка и дурманы розовые миры
Но кто-то кричит смотрите парни какое-то Че С Горы
И кто-то смотрит ловит глазами жесты его руки
И даже придерживает заранее зачем-то свои портки
Чапаев медленно выговаривает странное слово засим
Чапаев медленно устанавливает на барную стойку «Максим»
Чапаев не страшный одет не в черное нету при нем косы
Но строчит пулемёт строчит пулемёт смеётся Чапаев в усы
И пули летят размазанным веером в телах прожигают путь
Пули насквозь пробивают доллары толкают бумагу в грудь
Выходят из тела летят в офшоры в подставные счета
Строчит пулемёт и как бы считает тщета тщета тщета
Во рту у Чапаева водоросли в глазах русская печь
Он мог бы забить на все на это и просто на дно залечь
Чтобы спокойно вести беседы с одним утонувшим бобром
Да вот бобер проболтался ему про Россию нефть и Газпром
И когда кончается пулеметная лента как припас на посту
Чапаев сворачивает самокрутку вдыхает дым в пустоту
Потом выходит в Московскую ночь тянется дымный нимб
И он идёт к новому клубу и Петька идёт с ним

Пальто и конь

Заходит конь, снимает пальто,
Проходит мимо столов, ребят,
И вроде так не глядит никто,
Но исподтишка глядят – глядят!
А он на них не глядит – идет,
Садится, копытом делает знак,
И кто-то бежит и что-то льет
И шаркает ножкой вот так... и так.

- А знаешь – он говорит – пацан,
Как завывают ветра погонь?
Когда надежду несешь бойцам,
Вдыхая пули, штыки, огонь.
А как смеется наотмашь сталь?
Как поднимаешься на дыбы,
И понимаешь, что выше стал,
Что стал превыше смешной судьбы!

Тут конь встает, срывает пальто –
Безумный образ в дыму кадил,
И бешено мечет его на то,
В котором только-что заходил.
Ребята долу отводят взгляд,
Кто нервный – тискает пистолет,
Чуть слышен шепот среди ребят:
В пальто не страшен... Опасен... Нет...

Ты знаешь, парень – а небо жжот!
На дурака ведь не нужен нож!
И он смеется, почти-что ржет:
Чего мараться – возьми стреножь!
Потом он с вызовом ищет взгляд,
Но вроде так не глядит никто...
Уходит... Мимо столов, ребят...
Уходит так, как пришел – в пальто...

Лифт

Как обычно несвеж, небрит,
Пусть небрит, но зато не лыс,
Я наутро ввалился в лифт,
Чтобы ехать привычно вниз.

И как будто чувствую взгляд,
Как наседка чует лису,
И подсвечено: «Райский Сад»
Среди кнопок, в самом низу.

Пошутили? Смешно самому,
Посмеяться с утра – не грех,
И на верхнюю кнопку жму,
Потому что Рай – это вверх!

Что, приехал? – встречает бас.
Бабка в рясе. Дыра в полу.
И привычным движеньем – раз,
И толкает меня в дыру.

И лечу, а вдогонку смех,
А потом ошалелый визг:
Вы все лезете, лезете вверх!
Что вам там написать, чтоб вниз?

Барсучий тракт

Идут, идут и идут на барсучий лад,
Бесконечной колонной, тесно сомкнув ряды,
Разносится топот дружных когтистых лап,
Трамбующих древний хребет Уральской гряды.

Выходит один из строя – потрепан, суров,
С коротким хвостом (похоже, кто-то отгрыз),
– Ну что, – говорит, – Гаммельнский крысолов,
Решил и до нас добраться? Мало детей и крыс?

Вот я и думаю: Что же сказать в ответ?
А он смотрит мимо, как из-под льда минтай.
– Нет, – говорю, – у меня ведь и дудочки нет –
Только свисток затоптанного мента.

Кивает, прячет нож движеньем одним –
Не углядеть, в стычках наловчился поди.
Я говорю ему: Слушай, зачем тебе снова к ним?
Разве ты знаешь что там, в конце пути?

Он думает, головой мотает: Нет, ни хрена...
Кажется только – хорошее-то не ждет...
Но ты посмотри на них – это идет страна,
Это моя страна идет, это мой народ!

И покуда я буду в силах – с ними пойду,
И боюсь не того, кто приходит в ночи как тать,
Но боюсь, что останусь здесь, а они – пропадут,
А вместе совсем не страшно и пропадать.

И я смотрю на них, на него дураком дурак
(Так смотрит на курицу изделие Фаберже),
И я понимаю, что этот барсучий тракт
Когтями царапает в черствой моей душе.

Оле-Лукойе

только дождь в подоконник стучит серой рукою
только что-то чуть слышно бурчит Оле-Лукойе
только люди с зонтами в руках на километры
только ветры в колоколах листья и ветры
только в прошлом и только в кино дней быстротечность
только дождь непогода окно
целая вечность